

Сергей Шаршун

Небо колокол

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С32

С32 **Сергей Шаршун**
Небо колокол / Сергей Шаршун – М.: Книга по Требованию, 2015. – 54 с.

ISBN 978-5-519-19802-8

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1965 года.

ISBN 978-5-519-19802-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

1. Z'AI GOUZE AVEC TA MELE !

Архангельск, 25 сенегальцев возвращаются во Францию... Георгий за побег из Турции.

Самоеды выпустили Военные медали из карманов, под пузом, по последней моде, приняв их за брелоки.

«Sans Reproche» поджидает «Царя и Царицу».

Оба переполнены: бурятами, армянами, греками, мордвой, немцами, якутами, эстонцами, поляками, сартами, корейцами.

«Зарка» — «да», разговаривает сенегалец с самоедом.

«Russe y a bon!»

Купаются.

Женщины рассматривают 25 черных мерлушконоголовых жираф, и стадо розовых узкоглазых пингвинов, закрывающих руками фиговые листья.

Отплыли к экватору — северному полюсу.

Чернокожие с балалайками. Вздыхая поют, еле слышно, ностальгически — «алабанай». Русский гимн, матерная ругань. Z'ai gouzé avec ta mèle!

Под переливы смеха от октавы до детски-ангелического визга.

«Почему гиппопотам белый?»

Кит пустил в ход гидравлический пресс. «Скоро приедем! — вот слоны невиданных размеров и круглоголовые гориллы, с русскими усами!»

Килиманджаро — белолобый!

Конго, Архангельск — далеко.

Четверо суток по пояс в болоте. Якуты трут снегом побелевших часовых.

За лечение — 15 македонских баранов.

«Аврора» возвратится из Сахары в Ленино-Толстовию.

«Тенасе» из Одессы в Занзибар.

...« Ah, que z'ai gouzé avec ta mèle ! »

2. ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ОЛИМПИАДА

Нахватали всякого сброда (из ста — один... и с какой гордостью! говорил что-то вроде немецкого — *in Amerika geboren*) и одно из *laissez faire*, было увидеть родную, крошечную Европу.

Безработные, подписавшие выгодный контракт. Улизнувшие от голодовки.

Чернорабочие, земледельцы, шахтеры — любимые с галерки, спорт, вдруг ставшие профессионалами; обученные в холе и празднике — ехали на матч, показать себя.

Переводчиком при ротном офицере (*in Amerika geboren*) — шустрый итальянец, рывший несколько лет назад, во Франции каналы, или тесавший камень.

А большинство «наш-же брат, мастеровой» — всемирный поставщик убоинки: поляк, литовец, словак, болгарин, серб, русин, украинец... и, покопаешься — редкий не поймет нашей «мувы».

Затем, конечно: неизбежный еврей, *irish* (ирландец), итальянец и испанец, иногда и скандинав, голландец, даже турок.

Но, все покруглевшие, успокоившиеся за свои живо-

тишки и сами не дураки, при случае, начистить морду.

Партии золотоискателей, окрыленных головокружительной надеждой — быть вмеру изуродованным, погубить, выгодно жениться. (Осуществление кинопрограммы — минимум).

Или наивные, неуклюжие англо-саксонские идеалисты, науськанные проповедниками «убить во благо».

(Одно из положительных последствий опыта — распыление мечты о «последней войне»).

Смены нетерпеливых рабочих — ворваться на фабрику, пустить в ход, наладить.

Показать себя. «Еду на три месяца, смотреть и укротить Европу».

...А также и бешенство разъяренного докучливой мухой — слона.

И вот, спаянные старшими мастерами, инженерами и директорами — ячейки разбитных гимнастических команд!

Обвещанные спортивными снастями и инструментами: каменщика, землекопа, электротехника, водопроводчика.

С флягами, передержанного в сахаре, кофе — с целым набором плиток шоколада, сыпящегося из карманов, медвяным табаком за щекой и пачками долларов за пазухой.

Но, конечно, отцы-благодетели-реалисты, сделали что хотели: спортивные, летние курсы, маневры олимпиады звездоточивой родины, ввиду серьезных, стоящих напряжения и затрат (и действительно, близких сердцу), вопросов главенства на своем океане.

Результаты «стенки на стенку» не были безошибочно

вычислены заранее (не стоило труда)... Это лишь подготовка — (на местах, за работой, виднее).

Шахматное состязание старейшин. Выискивание нужного руководящего состава, распределение ролей, перекройка смет, планов.

Генералиссимус — Министр Гигиены.

Главный штаб: доктора-санитары, спортивные арбитры, манаджеры, контролеры; эксперты по выводке свиней.

(«Ведь надо-же обучить механической гимнастике этих европейских мозгляков!»).

Самые расторопные — оставлялись на фабриках: «экзамен сдал удовлетворительно — Форд».

(...Что, конечно, не мешает избранным оставаться увальнями).

«Жизни больше!», гласили кирпичнощекие епископы, под кэкуоковый и раг-таймовый вой и смех чернокожих своих, неравноправных детей.

In cogrore sano, чтобы без утечки в моторах! Малейший недочет в винтике: головная боль, бородавка, царапина — на слом, заменять!

Чтобы работа тысячетонных молотов не прекращалась ни на одно мгновенье!

Невообразимая пляска размаха.

Резолюция Президента, Главнокомандующего, Министра Гигиены, наложенная на доклад о смертельной скуке, однообразии жизни в траншеях, изморной выжидательной войны: «слово и понятие *safard* — национальная опасность!»

О, были выстроены города-оазисы развлечений!

Флотилии судов, муравейники поездов и камионов, обслуживали их.

Самостоятельное управление и чудовищное количество посредников работали — по возможности, блестяще.

Вихрь вертящихся мускулов, раскаты музыки, бесчисленные хоры, победный, хрюкающий визг, или протест сирен и клаксонов на ринках, — жужжанье комариных стай, усиливающих движение машин, втягивало в свои смерчевые бурава и все окружающее: соседние, средневековые городки и деревни, лагеря союзных солдат. Не только невольно (большой предмет притягивает маленький), но и по доброте, мужиковатости, по нетонко вычитанному размаху.

(«Не могу видеть, мне жалко, переутомленного француза, правда, очень мало понятного, совершенно сознательно, индивидуально, охотно, гибко — воюющего (по совести говоря, насколько искреннее нас!) ...какая-то острейшая, драгоценнейшая, стальная щетина, волоски которой, при случае, ломаются, но не гнутся ни под каким магнитным ветром!»).

Но, прививки УМСА — удавались редко.

Слишком новое вино и слишком старые мехи.

Неумолкающая, медвежья, неунывающая кипучесть, широта, задор, жалость — пробовала излиться, отделить, от щедрот своих, на русскую братию.

Но, чего доброго, встречало порицание со стороны собутыльников. (Наша «кобылка» на фронт больше не шла).

А при более тесном знакомстве — дело оказалось не столь гармонично-незатейливым. У русских не было этой уверенности в себе, жирка, спокойствия за завтраш-

ний день, исчерпывающегося кошельком вопроса. Отечества, одновременно, было и еще меньше и много больше (моя изба, земля и «у нас будет лучше»).

Эта Вавилонская башня, переоценка, ломка, мало интересующая, враждебная дяде Саму.

А также, ослиное упрямство, сознание своей правоты — срок прошел, вези меня домой живым или мертвым!.. Там землю делят!.. Кроме того — «Россия больше не воюет!»

Невозможное слияние машины — чеканки долларов, с самой густой кашей розыгрыша нигилизма «Бесов».

Попробовать же вступить в сношение с англичанами, едва-ли приходило и в голову почтеннейшему братству УМСА.

...Итак, отцы нации, с сожалением поняли, что мирного интернационализма, американизации, УМСА-ции Европы — не предвидится.

Работали целые лаборатории над открытием бациллы safard'a, — а в ожидании, действовали драконовы законы.

Safard это: высадка, выносливость, преодоление смертельной болезни на ногах, выжидание у моря погоды, это подвижническое послушание, курс высшей абстракции; эквилибристика усидеть над кладом сторожимым динамитом.

«Что угодно, только не safard, только не застой в делах!» (это в торговле смерть).

Вечно, беспрестанно, вперед!

Сколько угодно, не жалея — выбрасывать товар за борт!

(Словом, каждый ребенок понимает: наша тактика — не сидеть в траншеях!).

Для нас они непереваримая заминка в пути! (Снесенный водой железнодорожный мост).

Мы предпочитаем равнять выбоины телами.

Мы должны были, также, сделать сноску: кому надлежит, узнать о существовании мадам Сифилис и местного божка — Pinard'a.

В борьбе с ними, пришлось пойти на уступки!

...Но, в общем, наши сметы, расчеты, итоги, балансы — выверены.

Veni, vidi, vici... Пришел, увидел, победил!

Поэтому, мы довольны выводом показательных маневров, летнего курса национальной подготовки к Олимпийским играм: он удовлетворителен!

Теперь, повернем лицо к подымающемуся (за туманом землетрясений), разевающему пасть — кумачевому солнцу!

3. ПУШИНКА-СМЕШИНКА

Вчерашние враги, нахлынули русские орды, мирных завоевателей.

Родной север оказался милее оперетчного Средиземноморья.

В кофейню (по вечерам собирались поджидать помощников режиссеров, являвшихся выбирать для съемок; послушать сплетни, о наборе трупп, поездках за границу) пришла новая, сразу замеченная.

Не жгучая красавица, а таюшая, белоснежная, рассыпчатая, яблочная пастила с мятой, с анисом.

Подснежник, фиалка, василек — здоровый, смешливый; ждущий, тянущийся навстречу, ищущий

Голубые глаза в темных рамах бровей; тугие, блестящие, пышные губы, пускающие пузырьки, как грудные дети.

Пуховка для пудры, огромный одуванчик пушистых, льняных волос.

Почти белое манто и шляпа.

Кудельная, пряжевая фея.

(Если взять пальцами: разольется, как сочная вишня на зубах, как спелая груша — брызнет ракетный сок).

Никого не знала (ясно — не профессиональная актриса).

Соперницы нашли ее вульгарной, безвкусно одетой.

Мужчины искали случай познакомиться, оказать услугу (в первые-же дни устроили в групповые съемки), подсаживались, советовали, занимали, веселили.

Спокойно улыбалась, смотрела (отдавшись в руки пожилых артистов).

...В несколько дней заметила — молчаливо сидевшего, смотревшего на нее равнодушно или симпатично-незаинтересованно, непохожего на привычно-развязных, бесцеремонных актеров — человека, начиненного смесью: дикости, тяжести, застенчивости, услужливости и высокомерия.

Скромно (скверно) одетый — сидел, то настойчиво смотря кругом, то безотчетно уставившись во что-нибудь, или, даже читая (когда другие устраивали дела)...

(Глядя на него, становилось грустно. Остряки, встретившись с ним глазами — теряли нить пасквиля).

Приходя, начала улыбаться в его сторону.

Улыбнулась, встретив на улице.

Скоро, и так-же неожиданно, как и появилась — исчезла.

Съемки в кино прекратились, но ему удалось устроиться при мастерской театра, размалевывать куклы.

Она, не состоя в труппе — приходила завтракать (протекция) в кооператив.

Не скрывала радости (таяла снежинка), улыбалась в его дальний угол, в его равнодушие.

Однажды, увидев свободное место рядом, подошла